

ЭФФЕКТЫ ШТРАФНЫХ САНКЦИЙ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Шаститко А.Е.*, Плаксин С.М.**

Аннотация

Целью работы является экономический анализ штрафных санкций в свете сложившейся в России тенденции ужесточать санкции посредством увеличения их абсолютного размера. Работа базируется на методологических подходах новой институциональной экономической теории и экономического анализа права. Раскрываются концептуальные рамки экономического анализа штрафных санкций, показаны механизмы влияния на результативность штрафных санкций ряда факторов. Рассматриваются различные аспекты сдерживания нарушения правил в свете ошибок второго рода, а также комплекс вопросов взаимосвязи сдерживания и отношения объектов применения санкций к риску. Учтены факторы, влияющие на вероятность выявления нарушения. Проанализировано влияние на сдерживающий эффект санкций не только ошибок второго (II), но и ошибок первого (I) рода. Показано, что перечисленные факторы должны учитываться при установлении системы штрафных санкций в краткосрочном и долгосрочном периодах. Кроме того, обсуждение поставленных вопросов о результативности штрафных санкций показывает, что простых решений по принципу «free lunch» в сфере механизмов, обеспечивающих соблюдение установленных правил, не бывает и, соответственно, любое обсуждение состояния дел или возможных изменений должно сопровождаться обсуждением того, что мы приобретаем и от чего вынуждены отказаться, каким образом можно количественно и эмпирически оценить полученные (ожидаемые) результаты. Это касается в том числе соотношения вероятностей ошибок I и II рода, сдерживающей и фискальной функции штрафов. Рассмотрены вопросы применения санкций в случае неумышленного нанесения ущерба. Полученные результаты могут использоваться для разработки программ оценки политики установления и применения санкций в различных сферах.

Ключевые слова: штрафы; ошибки I и II рода; эффекты сдерживания; установление и применение санкций.

* Шаститко Андрей Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, Директор центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики Экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: saedd@mail.ru

Адрес: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 117571 Москва, просп. Вернадского, д. 82.

** Плаксин Сергей Михайлович – кандидат экономических наук, заместитель директора по экспертно-аналитической работе НИУ ВШЭ. E-mail: splaksin@hse.ru

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, Мясницкая ул., 20.

Введение

Изменения норм административного права в России за последние 5–6 лет наглядно демонстрируют тенденцию ужесточения наказания за различного рода нарушения, что в первую очередь выражается в росте абсолютных величин штрафов за действия, которые раньше также признавались нарушениями, но подлежали наказанию в несоизмеримо меньших масштабах. В числе наиболее известных – изменения санкций за нарушение правил дорожного движения и нарушение требований антимонопольного законодательства. Если еще несколько лет назад трудно было себе представить штраф 3 тыс. руб. за неправильную парковку в Москве, то в настоящее время такая сумма штрафа не выглядит очень серьезной на фоне действующих санкций за езду в нетрезвом состоянии. В сфере противодействия монополистической деятельности штрафы также увеличились на несколько порядков (с максимум 500 тыс. до нескольких миллиардов рублей – не максимальных, а фактически выплаченных штрафов). В дальнейшем мы главным образом будем опираться на примеры из этих двух сфер.

Действия, которые складываются в определенную политику, дают основания для запроса на оценку возможных результатов, в первую очередь эффектов сдерживания. В этой связи возникает ряд вопросов, обсуждение которых поможет определиться с оценкой эффектов (результативности) изменения системы штрафных санкций за нарушение установленных правил. Перечислим некоторые из них.

- Является ли штраф универсальным средством сдерживания нарушений?
- Приводит ли повышение штрафа (в абсолютном выражении или эффективного штрафа, т.е. с учетом вероятности применения) к усилению эффекта сдерживания?
- Имеет ли значение конструкция (дизайн) штрафа, включая способ определения его размера, с точки зрения эффекта сдерживания?
- Является ли сдерживание по факту единственной функцией штрафа?
- В чем проявляется и каков эффект ошибочного применения или неприменения штрафа (соответственно, ошибок I и II рода)?
- Всегда ли санкции связаны с нарушением правил?
- От каких факторов зависит вероятность применения санкции к нарушителю, а также к невиновному?
- Как на эффект сдерживания может влиять механизм смягчения или ужесточения наказания в рамках вилки штрафов?
- Как выстраивать системы штрафных санкций в ситуациях неумышленного причинения ущерба, включая случаи нанесения ущерба при условии соблюдения установленных правил?

Эти и некоторые другие вопросы затрагиваются в широком поле теоретических и прикладных экономических и экономико-правовых исследований, в значительной мере основанных на традиции, заложенной работами Г. Беккера [11, 12].

В первом разделе статьи раскрываются концептуальные рамки экономического анализа штрафных санкций; во втором – рассматриваются вопросы сдерживания в свете ошибок II рода, которые дополняются комплексом вопросов взаимосвязи сдерживания и отношения объектов применения санкций к риску; в третьем проводится анализ факторов, влияющих на вероятность выявления нарушения; в четвертом разделе эффект сдерживания рассматривается через призму сосуществования ошибок I и II рода. В пятом обсуждается вопрос о применении санкций в случае неумышленного нанесения ущерба. В заключении представлены основные выводы.

Концептуальные рамки экономического анализа штрафных санкций

Обсуждение проблематики штрафных санкций не может не затрагивать фундаментальный вопрос о том, как соотносятся запреты, содержащиеся в правилах, с институтами в том понимании, которое принято в рамках новой институциональной экономической теории. Правила – неотъемлемый элемент института, так как именно в них находит отражение шаблон поведения, разрешенного и/или запрещенного действующим лицам в соответствующих типовых ситуациях. Однако для того, чтобы правила стали институтами, необходимо существование действенного механизма, обеспечивающего их соблюдение. Механизм, обеспечивающий соблюдение установленных правил, включает два важных компонента: принуждение и адаптацию [7, с. 188–193]. Если адаптация связана с заполнением бреши *ex ante* в неполных правилах в целях обеспечения работоспособности тех положений (норм), которые уже существуют посредством их конкретизации *ex post* (в административном или судебном порядке), то принуждение связано с применением (угрозой применения) санкций за нарушение установленных правил.

Данный аспект указывает на возможное существование отношений замещения между механизмами адаптации и жесткостью санкций за нарушение детализированных правил. Санкции как инструмент сдерживания имеют экономический смысл в том случае, если правила (набор запретов и/или разрешенных действий) ограничивают доступ к желательным для принимающих решения наборам результатов выбора (положению вещей) в отсутствие такого рода ограничений. Указанные ограничения фактически связаны с созданием – непосредственно – издержек (в широком смысле) для действующих лиц в случае нарушения правил, т.е. отрицательной полезности *самого по себе* нарушения. Чрезмерно детализированные запреты во многих случаях могут приводить к ошибочному запрету и, соответственно, ошибочному применению санкций – не с точки зрения соответствия установленным правилам, а с точки зрения социально-экономических эффектов институтов [8]. В этой связи уместно упомянуть о роли реконструируемого (но не функционального) социального контракта, позволяющего объяснить механизм поддержания баланса между гибкостью, адаптивностью и детализацией правил, содержащих запреты.

Санкции за нарушение установленных правил многообразны и могут быть ранжированы по степени жесткости от выговора и предупреждения до смертной казни, включая и такие их разновидности, как ограничение в правах на профессиональную деятельность (дисквалификация), в общегражданских правах (например, право на свободу перемещения в случае неуплаты налогов, алиментов или штрафов), т.е. санкции, которые могут и не быть связанными с лишением свободы.

Не менее важным является вопрос о сопутствующих факторах применения санкций. В частности, ни в случае выговора, ни в случае смертной казни или дисквалификации как таковых трансфертов от одного лица (нарушителя) к другому лицу не возникает, если только не считать таковыми сомнительное удовольствие от дисквалификации коллеги, получении им выговора или вынесении обвинительного приговора в совершении уголовно наказуемого преступления, а также от занятия должности дисквалифицированного коллеги. Строго говоря, в данном случае трансферта нет, так как снижение полезности одного человека и повышение полезности другого происходит, минуя передачу ресурсов в какой бы то ни было форме от одного лица к другому (если только не рассматривать связку из нескольких трансакций, в числе которых, например, назначение на освободившееся место как условие доступа к активам, комбинирование которых может стать источником дохода).

В то же время есть вид санкций, для которых неотъемлемой чертой является трансферт: конфискации, возмещение ущерба, а также штрафы. Соответственно, если не брать крайности, а рассматривать, например, значительный штраф и лишение свободы как альтернативы, то ключевыми моментами для ответа на вопрос, какую санкцию применить, являются (1) различия в прямых издержках применения санкций, (2) наличие побочных эффектов. При прочих равных условиях, уголовное наказание в виде лишения свободы более затратно, чем штраф, так как представляет собой чистый вычет из общественного благосостояния. Данный вопрос рассмотрен в работах Познера, где он показал, что тюремное заключение, в отличие от штрафов не только не создает доход для государства¹, но и социальные издержки заключения превышают социальные издержки взыскания штрафов с платежеспособных ответчиков [5, с. 307]. Однако если учесть то, что принято называть общественной опасностью деяния, то презумпция нецелесообразности применения санкции в виде лишения свободы может быть преодолена. В данной статье главным образом рассматриваются неуголовные санкции (т.е. с отсутствием судимости – как своеобразного «клейма» – у нарушителя в результате применения санкции) с трансфертом, получателем которого является государственный бюджет. Таким образом, речь пойдет о штрафных санкциях (в том числе и потому, что в экономическом смысле конфискацию также можно при-

¹ Несколько более сложный случай, когда заключение совмещено с исправительными работами, так как формально такой способ организации может означать совмещение лишения свободы с трансфертами через труд. Однако в этом случае требуется исследование полных издержек такой альтернативы, что выходит за рамки предмета исследования.

равнять к штрафу²). Безусловно, для более полного понимания ситуации со штрафами необходим сравнительный анализ со структурными альтернативами, например с возмещением ущерба в рамках гражданских исков. Однако данный вопрос специально в настоящей статье не рассматривается, хотя, безусловно, заслуживает отдельного обсуждения, как в целом, так и применительно к использованию данного механизма в отдельных сферах (прежде всего в сфере защиты конкуренции).

Ключевым элементом системы штрафных санкций в свете модели рационального выбора является сдерживающая функция штрафных санкций, которая проявляет себя в первую очередь в виде влияния на поведение действующих лиц относительно правил, устанавливающих запреты или предписывающих совершение определенных действий в специфицированных *ex ante* ситуациях. Предполагается, что люди, действуя в собственных интересах, максимизируют собственную выгоду с учетом возможных частных эффектов нарушения установленных правил. Важный частный эффект нарушения установленных правил – санкция в виде штрафа. При прочих равных условиях, действенность штрафа проявляется в корректировке поведения, а не чистого выигрыша субъекта, к которому применяется соответствующее правило. Соответственно, при прочих равных условиях, размер штрафа должен быть не меньше, чем разница между выгодой от нарушения правил и выгодой от соблюдения правил в сопоставимых ситуациях:

$$PB_A > PB_{VF},$$

где PB_A – выигрыш действующего лица в случае соблюдения установленных правил; PB_{VF} – выигрыш действующего лица в случае нарушения правил и применения к нарушителю санкций.

В отсутствие штрафа соотношение (как предполагается) было бы:

$$PB_A < PB_{VNF},$$

где PB_{VNF} – выигрыш действующего лица в случае нарушения правил и без применения санкций к нарушителю.

Соответственно,

$$PB_{VF} = PB_{VNF} - F,$$

где PB_A – величина выигрыша, в случае соблюдения правил, PB_{VNF} – величина выигрыша в случае нарушения правил, PB_{VF} – величина выигрыша в случае нарушения правил и применения штрафных санкций, F – величина штрафа.

Такое соотношение указывает в первую очередь на сдерживающую функцию штрафа. Именно этой силы, например, не хватало штрафам

² Вопрос об эквивалентности различных видов санкций имеет под собой основания, так как ту же дисквалификацию можно интерпретировать в терминах упущенных возможностей получения дохода. Однако каким образом оценить упущенный доход – вопрос несоизмеримо более сложный, так как речь идет не только о длине временного горизонта и выборе нормы дисконтирования, но и множестве возможностей, которых лишается дисквалифицируемый, как условия для последующей оценки неполученного дохода.

за нарушение требований антимонопольного законодательства до реформы системы санкций в 2007 г.

Можно предположить, что соотношение во многих случаях соответствовало условиям неравенства:

$$PB_A < PB_{VF} < PB_{VNF}$$

Иными словами, распределительные последствия штрафных санкций не имели значения с точки зрения корректировки стимулов и, соответственно, поведения. Вместе с тем в указанном соотношении можно обнаружить потенциальный конфликт между штрафом как источником дохода (пополнения бюджета) и связанного с ним планом по штрафам, с одной стороны, и штрафом как средством сдерживания нарушений – с другой. Штраф как средство сдерживания может (и должен) устанавливаться согласно принципу минимальной достаточности. Очевидно, что, при прочих равных условиях, соблюдение условия неравенства $PB_A > PB_{VF}$ обеспечивается штрафами, которые могут различаться многократно. Конфликт между двумя функциями штрафа не был бы опасным с точки зрения социально-экономических последствий, если бы не (возможная) зависимость уровня сдерживания от «плана по штрафам».

Когда потенциальные размеры штрафов за нарушение требований антимонопольного законодательства увеличились с 500 тыс. руб. (что соответствовало размеру 5000 МРОТ, установленному для применения административных санкций в виде штрафов) на несколько порядков, ситуация изменилась. Например, в результате внесения изменений в КоАП РФ вместо штрафов, кратных МРОТ³, появились оборотные штрафы, исчисляемые как процент от оборота хозяйствующего субъекта за год, предшествующий выявленному нарушению (ст. 14.31 и 14.32 КоАП РФ). Как продемонстрировали дела против крупнейших нефтяных компаний 2008–2010 гг., штрафы стали измеряться миллиардами рублей, даже несмотря на применение наказания ниже верхней планки в 15% годового оборота компании на соответствующем рынке⁴.

Сдерживающая сила санкций в условиях ошибок второго рода

В действительности отсутствуют гарантии, что все нарушители будут пойманы и получают заслуженное наказание. Вот почему в экономической теории используется предположение о некоторой вероятности применения наказания к нарушителю, который извлекает из нарушения выгоду (принцип рационального выбора⁵). Соответственно, размер штрафа дол-

³ Строго говоря, санкции в виде уплаты в бюджет незаконно полученной прибыли формально существовали и ранее. Однако стандарты доказательства не позволяли сравнительно с небольшими издержками оценить эту величину. Кроме того, в данном случае срабатывал слабый стимул на стороне антимонопольного органа, который не получил дополнительных выигрышей, так как взыскание незаконно полученной прибыли фактически отражало одно и то же дело (хотя формально его можно было разделить на дело об установлении факта нарушения и дело о взыскании незаконно полученной прибыли).

⁴ Более подробно об особенностях правоприменения в период после реформы системы санкций за нарушение требований антимонопольного законодательства см. [1, с. 475–477].

⁵ Мы не рассматриваем вопрос о возможности демонстративного нарушения установленных правил.

жен быть еще больше, чем разница между выгодой от нарушения правил и выгодой от их соблюдения. Таким образом, при установлении размера штрафных санкций необходимо учесть вероятность применения санкции к нарушителю, соответствующую, в первом приближении, доле нарушителей, которые будут подвергнуты наказанию. Чем меньше вероятность, тем, при прочих равных условиях, выше должны быть штрафные санкции. Данный аспект, как будет показано далее, важен и в плане выстраивания работы административной системы.

Итак,

$$PB_V^e = (1 - p)PB_{VNF} + p(PB_{VNF} - F) = PB_{VNF} - pF,$$

где p – вероятность применения штрафа к нарушителю. Для удобства предположим, что $PB_{VNF} - PB_A = X \geq 0$, где X – вычленимая часть выигрыша, связанная (причинно⁶) с нарушением установленных правил. Далее предполагается, что нарушитель успевает извлечь выгоду из нарушения (хотя это не всегда так, также как и то, что нарушение не всегда влечет за собой негативные последствия в терминах общественного благосостояния, если речь идет, например, о намерениях, которые были верифицированы ante). В данном разделе мы обсуждаем сдерживающую функцию штрафа в свете ошибок II рода, предполагая, что ошибочного наказания соблюдающих правила не происходит (если специально не оговорен этот случай). Напомним, что к ошибкам I рода в правоприменении относится наказание, не обусловленное нарушением правила, или несоразмерно жесткое наказание, тогда как ошибки II рода – ненаказание нарушителя или несоразмерно мягкое наказание.

Итак, основная функция штрафа с экономической точки зрения – сдерживание нарушений как ключевое условие обеспечения соблюдения установленных правил. Соответственно, при некотором уровне штрафа, соблюдение правил зависит от вероятности его применения в случае нарушения:

$$p^* = \frac{PB_{VNF} - PB_A}{F}$$

Или

$$p^* = \frac{X}{F},$$

где p^* – пороговая вероятность наложения штрафа.

Если $p > p^*$, то считается, что штраф действительно выполняет свою сдерживающую функцию.

Именно данное соотношение указывает, например, на экономические основания правила кратного (а точнее – трехкратного) возмещения ущерба в антитрасте, если предположить, что X – результат перераспределения

⁶ На практике установление причинно-следственных связей на эмпирических данных может представлять достаточно сложную проблему, особенно с учетом специфики процедуры оценки надежности полученных результатов в суде.

вследствие эксплуатации хозяйствующим субъектом (хозяйствующими субъектами) своего положения на рынке (в том числе в результате соглашений, ограничивающих конкуренцию), правда без учета тех потерь, которые не улавливаются участниками рынка или третьими лицами по отношению к возможному множеству участников обмена на соответствующем рынке (чистые потери благосостояния).

Так что

$$F = \frac{X}{p^*}$$

Если последствий не наступило, в том числе в плане незаконно полученного выигрыша, то, следуя логике данной модели, минимальное сдерживание может быть обеспечено при значительно меньшем штрафе. Это важно как с точки зрения возможности субъекту осознать, чем отличается намерение от действия с последствиями, так и с точки зрения нивелирования негативных эффектов ошибок в обеспечении соблюдения правил. Если санкция не дифференцирована таким образом, что верифицируемое деяние без последствий наказывается так же, как и с последствиями (ущерб, незаконно полученная выгода), то это будет подталкивать к нарушению и ослаблять сдерживающий эффект санкций (фактически это уже ошибка I рода, о чем речь пойдет далее), так как получается, что $PB_{VF} > PB_A - F$. В этом случае срабатывает принцип: лучше уж быть наказанным за дело, чем за слова. Ведь если действующее лицо не извлекло выгоды от нарушения правила, то, следуя принципу рациональности в принятии решений, притом что наказание неотвратимо и оно такое же, как и наказание за уже наступившие последствия в виде ущерба и/или незаконно полученного выигрыша, то в этом случае лучше нарушить правило. Однако в данном случае требуются дополнительные исследования, в том числе с применением инструментария поведенческой экономики, чтобы оценить, действительно ли человек, который покушается на нарушение правил, наказывается так же, как и нарушитель, и это не ведет к ослаблению сдерживающего эффекта правил. В этой связи следует указать на оценки Познера в части применения уголовных санкций: если за ограбление карать смертной казнью, то эффект сдерживания преступления в виде убийств может быть ослаблен, так как преступнику будет выгодно избавляться от свидетелей [5, с. 309].

В этой связи следует обратить внимание на специфическую ситуацию, когда имеет значение момент выявления нарушения:

$$PB_V^e = (1 - p)PB_{VNF} + p\{q(PB_{VNF} - F) + (1 - q)(PB_A - F)\},$$

где p – вероятность применения штрафа к нарушителю в ситуации, когда нарушением признается действие, не повлекшее ущерба и связанного с ним незаконного получения дохода, q – вероятность извлечения некоторой величины дохода в результате нарушения установленных правил.

Так что

$$p^{**} = \frac{X}{(1 - q)X + F} < p^*$$

Таким образом, при прочих равных условиях, пороговое значение вероятности обнаружения нарушения и наказания нарушителя будет ниже, чем в случае, если нарушение всегда сопровождалось возникновением негативных эффектов (и получением незаконного дохода).

Таким образом, при

$$p^{**} < p < p^*$$

действующее лицо воздержится от нарушения, хотя это условие и не соответствует принципу сдерживания, обозначенному выше.

Соответственно,

$$F = \frac{X}{p^{**}} - (1 - q)X$$

Это формула для установления санкции в ситуации, когда сдерживающий штраф устанавливается с учетом вероятности наступления последствий в виде незаконного получения дополнительного выигрыша. В то же время данное соотношение указывает на проблему ухудшающего отбора в ситуации, когда недифференцированному наказанию будет подвергаться тот, кто нарушил с последствиями и без последствий⁷. В этой связи, например, наказание за сам факт заключения картельного соглашения без последствий не может быть таким же, как нарушение с последствиями, не говоря уже о так называемом ддящемся нарушении. Поскольку в противном случае тем, кто в силу различных обстоятельств оказался вовлеченным в соглашение, ничего не остается, как действовать в рамках указанного соглашения, чтобы как-то компенсировать возможные штрафные санкции. Как минимум, этот фактор может ослаблять действенность варианта нарушения соглашения – оппортунистического поведения со стороны одного из участников картеля. В этой связи критически важным является вопрос, на что именно направлена система санкций – на предупреждение нарушений или на наказание «для отчетности». Данный вопрос особенно актуален в свете предлагаемой «юридико-технической» реформы статьи 178 УК РФ, предполагающей применение уголовного наказания за факт сговора безотносительно эффектов.

Важным источником ошибок I и II рода является специфический режим функционирования правовой системы в плане реакции на сигналы о возможных правонарушениях. В данном случае возможна ситуация злоупотребления правами в частных интересах в условиях нулевых (пренебрежимо малых) издержек доступа к административной системе [10]. В общем виде: если издержки доступа к административной системе минимальны (т.е. ими можно пренебречь, по крайней мере для какой-то категории лиц),

⁷ Безусловно, в случае отсутствия последствий возникает обоснованный вопрос, каким образом устанавливать санкции. Первый вариант – фиксированный размер санкций. Однако в ряде случаев его размер будет пренебрежимо малым, однако, если его скорректировать в сторону повышения, он может оказаться несовместимым с ведением бизнеса (особенно в условиях ненулевой вероятности ошибок I рода). Второй вариант – использовать принцип сопоставимости с уже выявленными ситуациями нарушений.

но с помощью этой системы можно создать издержки для других агентов, которые могут быть так или иначе транслированы в выгоды источников информации о нарушениях, поступающих в правовую систему, то в случае отсутствия фильтров (которые, собственно, и призваны создавать издержки в первую очередь для недобросовестных «информаторов» – необязательно жалобщиков) недобросовестные информаторы могут вытеснить добросовестных, что может ухудшить сдерживающие эффекты как по линии ошибок I, так и II рода.

Во втором случае когда нарушение есть, а наказания нет, в том числе потому, что нет жалобы, – проще бывает отказаться от действий, поскольку жалобщик, не найдя правды в одном ведомстве, может обратиться в другое, которое в порядке контроля (прокурорского реагирования) может создать издержки уже для данного ведомства. Это фактически подтверждает гипотезу о возможной взаимодополняемости ошибок I и II рода в неэконометрическом смысле [8, с. 18].

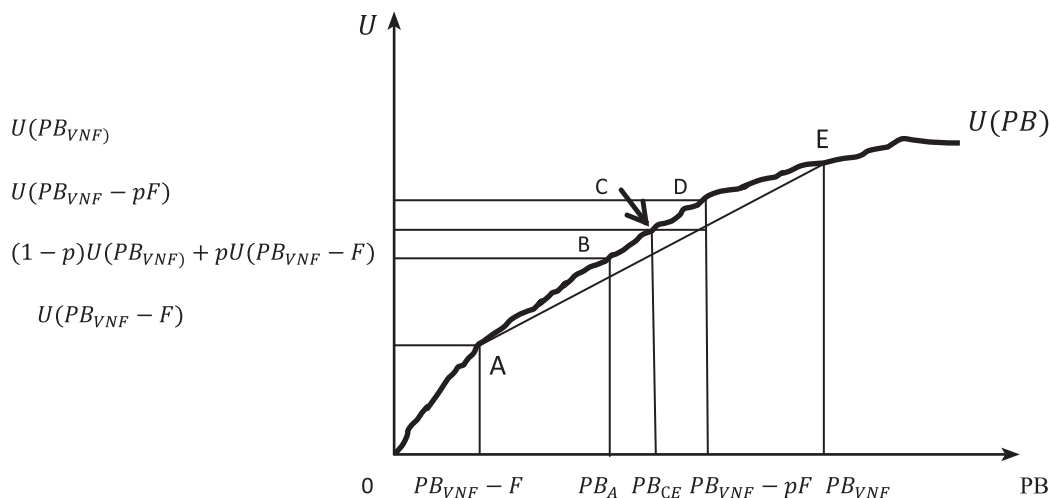
Вот почему для улучшения баланса ошибок I и II рода и, соответственно, усиления сдерживающих эффектов существующих правил необходимо создание действенных фильтров, которые позволяли бы: (1) отсеивать жалобы, не имеющие отношения к делу; (2) давать ход жалобам, в которых действительно указано на признаки правонарушений; (3) обеспечить экономичность процедуры фильтрации (в том числе посредством изменения системы доступа к административным процедурам). Первые два пункта связаны с решением вопроса перегруженности административного органа.

Сдерживающая функция санкций в условиях неприятия риска: эндогенность вероятности ошибок II рода

Сдерживающая сила санкций может варьироваться в условиях различного отношения действующих лиц к риску, приобретающему в связи с этим большое значение для экономического анализа. Выше мы рассмотрели ситуацию, в которой предполагалось, что действующее лицо риск-нейтрально. Однако если применить более привычную оценку риска физическим лицом, то более конвенциональным является предположение о стремлении избежать риска. В этой связи, как известно, возникает различие между полезностью ожидаемого выигрыша и ожидаемой полезностью выигрыша. В случае избегания риска полезность ожидаемого выигрыша больше, чем ожидаемая полезность выигрыша, что соответствует тому, что существует полезность *гарантированного* выигрыша, которая по крайней мере не меньше, чем ожидаемая полезность выигрыша (а в случае равенства выигрыш – достоверный эквивалент). Таким образом, если поведение человека, соблюдающего правила, является безрисковым, то сдерживающий эффект штрафов за нарушение правил может оказаться сильнее ввиду спроса на «неявную страховку» от неудачи (штрафа, снижающего общий выигрыш ниже того уровня, который был бы достигнут в случае отсутствия санкции).

Рисунок 1

Нарушение правил, санкции и неприятие риска

Соответственно, существуют разные варианты соотношения выигрыша при соблюдении правил и достоверного эквивалента выигрыша от их нарушения.

$$PB_A > PB_{CE}$$

Правила соблюдаются в результате комбинированного влияния избегания риска и вероятности применения санкций, несмотря на то что ожидаемый выигрыш от нарушения правил больше, чем выигрыш от соблюдения правил.

$$PB_A < PB_{CE}$$

В этом случае правила перестают выполнять сдерживающую функцию. Для ее восстановления, при прочих равных условиях, может потребоваться повышение вероятности наказания нарушителя, что соответствует изменению линейной комбинации выигрыша с нарушением без санкций и выигрыша с нарушением правил и санкциями.

Изменение линейной комбинации зависит в том числе от факторов, влияющих на вероятность применения санкции к нарушителю (факторы ошибок II рода). В обобщенном виде можно выделить две группы факторов: факторы-ресурсы (R) и факторы-стимулы (I).

$$p = f(R; I)$$

Предполагается, что, чем больше ресурсов у субъекта, отвечающего за соблюдение правил и в случае нарушения – за применение санкции, тем, при прочих равных условиях, выше вероятность обнаружения нарушителя и его наказания, причем увеличение ресурсов связано с вероятностью положительно, но не линейно.

$$\frac{dp}{dR} > 0; \frac{d^2p}{dR^2} < 0$$

Чем сильнее стимулы к выявлению нарушителей (отметим, что в данном случае речь идет не об обвинении и наказании невиновных, а о стимулах уста-

новления фактов нарушений и выявления именно нарушителей), тем выше вероятность нарушения.

$$\frac{dp}{dI} > 0; \frac{d^2p}{dI^2} < 0$$

В определенных пределах вероятность по стимулам может быть замещена вероятностью по ресурсам:

$$dp = \frac{\partial p}{\partial R} dR + \frac{\partial p}{\partial I} dI = 0$$

Соответственно, норма замещения ресурсов стимулами может быть представлена следующим образом:

$$MRS_{RI} = \frac{dR}{dI} = -\frac{\frac{dp}{dI}}{\frac{\partial p}{\partial R}}$$

В большинстве ситуаций возникают два эффекта: (а) дополненности (стимулов недостаточно без ресурсов, а ресурсов – без стимулов), (б) эндогенности (стимулов по ресурсам).

Последний пункт имеет значение потому, что стимулы к выявлению нарушений в случае с различными механизмами, обеспечивающими соблюдение правил, могут также различаться. Стимулы, также как и ресурсы, влияющие на вероятность применения штрафных санкций к нарушителю установленных правил, зависят в том числе и от способа, каким организовано обеспечение соблюдения правил и применение санкций. В частности, если контроль соблюдения правил осуществляется государственным специализированным органом, то с большей вероятностью можно ожидать слабых стимулов к просеиванию ситуаций с признаками нарушений на предмет (а) установления факта нарушения и (б) выявления нарушителя. Соответственно, для поиска лучшего из возможных вариантов баланса ошибок I и II рода необходимо развивать элементы частной системы правоприменения, а именно гражданские иски. По крайней мере в сфере защиты конкуренции это так. Суть состоит в том, чтобы более активно использовать судебную систему, частично разгрузив антимонопольное ведомство.

Во многом это связано с различными последствиями обеспечения соблюдения правил в частном порядке, путем обращения за защитой законных интересов в суд, и обеспечения соблюдения правил силами государственного органа. Кроме того, значение имеет распределение издержек административной и/или судебной процедуры между заинтересованными лицами.

Ресурсообеспеченность гаранта соблюдения правил может оказывать драматическое влияние на эффекты сдерживания и другие аспекты правоприменения, примером служит противодействие картелям. Эта практика плохо поддается вскрытию с помощью информации со стороны контрагентов участника картеля. Вот почему для получения доказательств очень важны прямые улики от лиц, имеющих к ним доступ. А это, как правило, сами участники картеля. Однако, как показывают исследования, если вероятность вскрытия картеля силами антимонопольного органа достаточно мала, эффект программы освобождения от наказания за сотрудничество с антимонопольным органом

и помощь в раскрытии картеля работать не будет, так как такой вариант поведения нерационален с точки зрения максимизации прибыли на множестве периодов (если только картель не подвержен саморазрушению ввиду используемых его участниками стратегий).

Доступные данные свидетельствуют, например, о том, что ресурсообеспеченность сотрудников российского антимонопольного ведомства существенно отставала от уровня аналогичного показателя для других ведомств. Причем в ряде случаев разрыв был почти в 10 раз [6, с. 18]. И это притом что сфера компетенции российских антимонопольщиков была существенно шире, чем их зарубежных коллег.

Применительно к ресурсам возможно несколько типов ситуаций. Размеры ресурсообеспечения в последующем периоде не зависят от количества выявленных нарушений и собранных штрафов в предыдущем периоде. То есть $\frac{dR_t}{dF_{t-1}} = 0$. Другой тип ситуации, когда зависимость прямая, т.е. выполняется условие $\frac{dR_t}{dF_{t-1}} > 0$. А в более общем случае $\frac{dR}{dF} > 0$, где $R = \sum_{j=1}^m R_{t+j}$; $F = \sum_{i=1}^n F_{t-i}$.

Как показывает предшествующий анализ, один и тот же уровень ожидаемых санкций может иметь разные социально-экономические последствия. Установить уровень штрафа произвольно не стоит большого труда, если сама система принятия решений не содержит фильтров, которые действуют по принципу: чем выше штраф или чем серьезнее наказание, тем сложнее обеспечить принятие соответствующей нормы и тем строже требования к стандартам доказательства в установлении факта нарушения и выявлении нарушителя. Однако, как показано ранее, совсем иное дело – вероятность установления факта нарушения, а также выявления нарушителя (нарушителей), установления степени их вины. Кажется, что для обеспечения необходимого уровня сдерживания нужно минимизировать вероятность выявления нарушения при условии значительного повышения штрафных санкций. Иными словами, поскольку, как предполагается, эффект сдерживания не зависит от структуры эффективной санкции $ES(F; p)$, необходимо значительно повысить штрафы и уменьшить интенсивность проверок. Однако большое значение имеют как ошибки в правоприменении, так и эффекты определенности, что дает основание считать, что если коэффициент замещения штрафа вероятностью наказания и есть, то он не является постоянным. Если бы не ошибки I рода, о значении которых более подробно мы расскажем в следующем разделе, то наиболее простым и логичным способом эффективного решения проблемы сдерживания было бы установить высокие штрафы и сэкономить на издержках выявления нарушений (т.е. на вероятности). И в этом смысле правило «неотвратимости наказания», строго говоря, является выражением неэкономического подхода к созданию стимулов соблюдать правила.

Эффект сдерживания в условиях ошибок первого и второго рода: эффект определенности

Сдерживающая сила санкций может быть ослаблена не только вероятностью ошибочного ненаказания нарушителя, что уже было продемонстрировано выше, но и в результате ошибочного наказания соблюдающего

правила. В первом приближении можно показать, что для отдельного лица баланс в этом случае будет выглядеть так:

$$PB_A - p_I F = PB_{VNF} - (1 - p_{II})F,$$

где p_I – вероятность ошибки I рода (ошибочное обвинение и наказание соблюдающего правила), тогда как $p = (1 - p_{II})$, так что p_{II} – вероятность ошибки II рода (ошибочное ненаказание нарушителя).

Таким образом,

$$PB_A = PB_{VNF} - (1 - p_{II} - p_I)F$$

Соответственно, возвращаясь к исходному соотношению с пороговым уровнем вероятности наказания нарушителя, получаем:

$$p^* = \frac{PB_{VNF} - PB_A}{F} + p_I$$

Фактически это означает наличие элемента замещения в соотношении двух типов ошибок с коэффициентом -1: тот же уровень сдерживания требует, чтобы повышение вероятности ошибки I рода компенсировалось снижением ошибки II рода на такое же количество пунктов. Если обратиться к примеру с правилом «нулевого промилле» и допустить, что, во-первых, существует множество факторов, отклоняющих фактическое значение промилле от 0, которые не связаны с употреблением спиртных напитков, во-вторых, если существует погрешность в измерении, то, следуя представленной логике, можно предположить, что вероятность ошибок I рода повысится. Однако такое повышение может привести к снижению сдерживающего эффекта (нормированного по такому показателю, как количество выездов, водителей или машин), в том числе за счет снижения активности поездок на личном транспорте⁸. Фактически такой результат соответствует оценке [14], согласно которой возможность ошибки I рода ведет к излишней предосторожности добросовестных субъектов, что, в свою очередь, ведет к снижению общественного благосостояния. По мнению Познера, если есть риски случайного нарушения закона или судебной ошибки, то чрезмерно жесткие санкции побудят отказаться от социально желаемой деятельности [5, с. 303]. Соответственно, для того чтобы хотя бы восстановить на прежнем уровне сдерживающий эффект, необходимо снизить вероятность ошибки II рода и обеспечить большую степень неотвратимости наказания. Причем данная ситуация обсуждается в предположении, что возможности коррупционных сделок отсутствуют.

Повышение вероятности ошибок I рода наряду со снижением вероятности ошибок II рода в первом приближении следует рассматривать как повышение степени репрессивности системы принуждения к соблюдению правил, тогда как уровень сдерживания необязательно повышается: он может оставаться тем же или даже снижаться. Вот почему для обеспечения неснижающегося или повышающегося уровня сдерживания необходимо

⁸ Безусловно, как гипотеза, данное положение требует эмпирической проверки и на предмет наличия такого рода связи, и ее интенсивности.

не только обеспечить активность контролирующего органа, но и привести ее в соответствие с более строгими стандартами доказательства, соблюдение которых зависит не только от стимулов работников данного контролирующего органа, но и от беспристрастности и информированности суда как условий отсеивания необоснованных обвинений. В ситуации снижения вероятности ошибок II рода и повышения вероятности ошибок I рода, когда уровень сдерживания не увеличивается, можно обнаружить обозначенный ранее конфликт между сдерживающей и фискальной функциями штрафа.

Более детальный анализ может показать влияние зависимости вероятности возбуждения дела по признакам нарушений установленных правил на принятие решений об установлении факта нарушений в условиях низких стандартов доказательства (с де-факто презумпцией виновности).

$$gPB_A + (1 - g)\{p_{I(1-g)}(PB_A - F) + (1 - p_{I(1-g)})PB_A\} = \\ = hp_{IIh}PB_{VNF} + (1 - h)\{(1 - p_{IIh})(PB_{VNF} - F) + p_{IIh}PB_{VNF}\},$$

где $(1 - g)$ – вероятность ложного информирования регулятора о наличии нарушений со стороны действующего лица – объекта регулирования, на основе которого возбуждается дело и принимается с вероятностью $p_{I/(1-g)}$ решение об установленном факте нарушения с последующим применением штрафной санкции F . Соответственно, вероятность ошибки I рода – $\{(1 - g)p_{I(1-g)}\}$ в том случае, если регулятор самостоятельно решений о возбуждении дела ошибочно не принимает; $(1 - h)$ – вероятность возбуждения дела в отношении нарушителя как результат комбинирования вероятностей возбуждения дел по заявлениям и на основе собственных данных. Так выглядят пороговые условия минимально эффективного сдерживания в ситуации, когда правоприменение основано на комбинации ложных и истинных сигналов о признаках нарушения требований в установленных правилах.

Соответственно, в случае соблюдения правил ожидаемый выигрыш составит:

$$PB_A - (1 - g)p_{I(1-g)}(2PB_A - F)$$

В свою очередь, в случае нарушения правил:

$$(PB_{VNF} - F)(1 - h + hp_{IIh}) + p_{IIh}F$$

Представленные выше соотношения недооценивают ослабление сдерживающего эффекта штрафов в случае различимой (т.е. влияющей на оценки и принятие решений) вероятности ошибок I рода (что, видимо, также должно устанавливаться экспериментальным путем). Эта недооценка связана в первую очередь с эффектом определенности, или парадоксом Алле, который был выявлен в рамках лабораторных (контролируемых) экспериментов Канеманом и Тверски и противоречит стандартным положениям аксиом теории ожидаемой полезности Неймана–Моргенштерна [2; 9, с. 48–50; 13, р. 622–624]: основная идея, заложенная в эффекте определенности, состоит в том, что определенные исходы представляются непропорционально более значимыми, чем неопределенные, что влияет на субъективные оценки ожидаемых выигрышей, связанные с искажением вероятностей. Ведь если законное поведение гарантирован-

но не наказывается, то избегающий риска субъект оценивает такое поведение как асимметрично более привлекательное. Однако если допустить возможность ошибки I рода, то фактически возникает еще одна область неопределенности. На рисунке 1 это означает, что ожидаемая полезность от законного поведения отклоняется от полезности ожидаемого чистого выигрыша. При этом даже если ожидаемая величина выигрыша при соблюдении правил остается той же, что и в случае полной определенности, и равна достоверному эквиваленту для случая нарушения правил, то в случае появления неопределенности ожидаемая величина выигрыша может сделать невыгодным соблюдение правил.

Санкции за ущерб, нанесенный по неосторожности

До этого момента мы рассматривали ситуации, когда объект применения санкций знал (или, как предполагается) должен был знать, что нарушает установленные правила (долженствование – причем, возможно, ошибочное – относится к случаям ошибок I рода). Фактически это ситуации, когда водитель, например, превышает скорость 110 км/ч, проезжает на красный свет, продавец «перебивает» срок годности продукта на упаковке, а вор проникает в квартиру и т.п.

Однако существует широкий класс ситуаций, когда умысла нет, более того, есть меры предосторожности для недопущения наступления события, связанного с возникновением ущерба у третьих лиц.

Это класс ситуаций, когда на первый план выступает проблема ответственности, возникающая в условиях неопределенности, связанной с наступлением неблагоприятных последствий для третьих лиц в результате события, возникшего как результат (прямой или побочный) действия рассматриваемого субъекта. Актуальность проблемы состоит в том, что вариант решения по принципу обнуления всех рисков во многих случаях равносильно отказу от социально полезной деятельности и, соответственно, ведет к снижению общественного благосостояния.

В этом случае возникает комплекс вопросов:

1. Как быть с невиновным причинением ущерба?
2. Каким образом определяется граница между виновным и невиновным причинением ущерба?
3. Может ли страхование ответственности за невиновное причинение ущерба компенсировать возникающие при этом санкции?
4. Если да, то в какой форме?
5. В какой форме санкции можно считать приемлемыми – только штраф, только компенсация ущерба третьим лицам или то и другое; от чего это зависит?

Фактически данный блок вопросов связан и с проблемой ошибок I и II рода, так как ответ на них одновременно и ответ, в частности, на вопрос: не является ли возложение ответственности на «причинителя» вреда, принимающего меры предосторожности, ошибкой I рода?

Класс ситуаций, в которых возникает непредумышленное нанесение ущерба (или существует риск непредумышленного нанесения ущерба), состо-

ит из элементов, которые характеризуются существованием двух категорий субъектов – «причинителя» ущерба и жертвы (пострадавшего). Если данные субъекты – одно и то же лицо, то нет оснований рассматривать такие ситуации как те, в которых необходимо либо применение правовой системы, либо создание условия для совершения рыночных трансакций (внесудебное урегулирование). В качестве исключения можно было бы указать на случаи ограниченной дееспособности жертвы, когда речь идет о недосмотре со стороны ответственных лиц. Но они здесь не исследуются. Таким образом, вопрос о неумышленном нанесении ущерба рассматривается в связи с деятельностью одного или нескольких субъектов, затрагивающих в качестве побочного результата (с определенной вероятностью) интересы других субъектов.

Поскольку вопросы непредумышленного причинения ущерба тесно связаны с проблемами внешних эффектов и способов их интернализации, уместно вспомнить, что по этому поводу писал Коуз, называя проблему возникновения ущерба взаимоотношениями: «Вопрос обычно понимался так, что вот А наносит ущерб В и следует решить, как мы ограничим действия А? Но это неверно. Перед нами проблема взаимоотношениями характера. Оберегая от ущерба В, мы навлекаем ущерб на А. Вопрос, который нужно решить, – следует ли позволить А наносить ущерб В или нужно разрешить В наносить ущерб А? Проблема в том, чтобы избежать более серьезного ущерба» [3, с. 87–88].

Соответственно, ответ на вопрос об однозначном возложении ответственности на «причинителя» ущерба не является корректным с точки зрения условия максимизации общественного благосостояния. Напомним, что речь в основном идет о подмножестве отрицательных внешних эффектов, поскольку не рассматривается класс ситуаций с положительными внешними эффектами.

Обсуждение поставленного вопроса требует рассмотрения доктрин способствующей и сравнительной небрежности [5, с. 229–233]. Эти две доктрины построены на предположении, что для назначения штрафа имеет значение не только поведение причиняющего ущерб, но и поведение пострадавшего. Суть вопроса в том, как обеспечить создание стимулов выбора таких действий, которые с минимальными издержками позволяли бы избегать нанесение ущерба. В этой связи необходимо вспомним формулу Хэнда [5, с. 223]:

$$C < pL,$$

где C – издержки предотвращения ущерба, p – вероятность возникновения ущерба, L – оцененная величина ущерба.

Строго говоря, существует множество вариантов, когда ущерб удастся предотвратить при условии, что формула Хэнда также соблюдается. Если предположить, что есть два варианта с соответствующими издержками, C_1 и C_2 , причем $C_1 < C_2$, но $C_1, C_2 < pL$, то с точки зрения эффективности должен быть выбран первый вариант.

В рамках способствующей небрежности основанием для освобождения «причинителя» ущерба от ответственности может служить выявленная небрежность со стороны жертвы. Соответственно, если будет доказано,

что «причинитель» ущерба предпринял необходимые меры предосторожности, а жертва нет, то жертва (истец) не может требовать компенсации, а «причинитель» ущерба освобождается от ответственности (соответственно, не только административной, но и гражданско-правовой). Этот вариант обеспечивает эффективность в ситуациях, когда формула Хэнда, согласно которой издержки предотвращения ущерба должны быть меньше ожидаемой величины ущерба, выполняется в таких условиях, когда жертва обладает преимуществом в издержках предотвращения ущерба.

Единственный вид издержек, которые «причинитель» ущерба несет в этом случае, – часть издержек административной процедуры (ценность потраченного времени) и/или часть судебных издержек (в зависимости от установленных правил распределения такого рода издержек). Данный подход позволяет подстраховать «причинителя» ущерба от вымогательства со стороны жертвы (явного или имплицитного).

В отличие от способствующей, сравнительная небрежность построена на идее возложения частичной ответственности (дисконтированной относительно оцененного размера ущерба) на «причинителя» ущерба, даже если поведение жертвы небрежно и не соответствует стандартам разумной предосторожности. Иными словами, если причинение ущерба все же произошло, хотя меры предосторожности были приняты (безвиновное причинение ущерба со стороны ответчика), тем не менее санкция все равно будет применена (дисконтированно). Вопрос только в механизмах установления такого рода стандартов, что, безусловно, требует отдельного исследования.

И самостоятельный вопрос: каковы эффекты различных правил в терминах общественного благосостояния? Это во многом зависит от распределения издержек, связанных с избеганием небрежности и, соответственно, возможности возникновения ущерба. Иными словами, правило сравнительной небрежности вызывает синергический эффект (при определенных условиях), когда понимание того, что отсутствие мер предосторожности на стороне жертвы не освобождает от ответственности, стимулирует принятие некоторых мер. Однако принятие этих мер, в свою очередь, создает дополнительные риски для потенциальной жертвы остаться без компенсации. В свою очередь, такая перспектива стимулирует потенциальную жертву к расходам, которые могут быть выше, чем ожидаемые потери от несчастного случая.

Рассмотрим данную ситуацию на числовом примере. Предположим, что во избежание ущерба его потенциальному «причинителю» необходимо затратить 100 единиц, тогда как жертве необходимо 90 единиц, чтобы избежать данного ущерба. Однако в случае, если ущерб возникает, то его размер оценивается в 1500 единиц, а вероятность возникновения ущерба – 0,08. Соответственно, ожидаемая величина ущерба равна 120 единицам. Отношение к риску, как предполагается, в данном случае не имеет значения. Самый дешевый вариант – меры предосторожности со стороны жертвы и «причинителя» ущерба. Однако в таком случае получается, что небрежность со стороны жертвы – достаточное основание для отказа в компенсации ущерба, который составит в этом случае 1500 единиц. В случае, если сравнительная небрежность обеспечивает дисконт «причинителю» вреда в 50% при затра-

тах 50 единиц, то жертва в случае небрежности рискует возникновением ущерба в размере 60 единиц, так что имеет смысл затратить 50.

Следует отметить, что в более общем случае и вероятность возникновения ущерба может изменяться вследствие выбора различного набора действий как «причинителя» ущерба, так и (потенциально) пострадавшего, причем не дискретно, как в рассмотренном выше случае, а непрерывно (точнее инкрементно), в том смысле, что незначительные изменения в расходах на меры предосторожности могут приводить к некоторым изменениям в вероятности наступления ущерба.

Разграничение ситуаций, в которых «причинитель» ущерба выплачивает штраф, и ситуаций, в которых выплачивается компенсация пострадавшей стороне, также имеет значение. Штрафы вместо возмещения ущерба могут приводить к искажению стимулов сразу по нескольким направлениям. В частности, применение штрафных санкций фактически означает отсутствие стимулов у пострадавшей стороны предпринимать какие бы то ни было действия в части обеспечения минимальных стандартов предосторожности, если они не соответствуют их предпочтениям. Более того, если потенциальная жертва – предприниматель, то у него возникают дополнительные стимулы вообще не открывать дело, понимая, что возникновение ответственности у «причинителя» ущерба не связано с компенсацией нанесенного ущерба. В свою очередь, применение штрафных санкций, в свете обозначенной выше фискальной функции, фактически создает еще одну проблему – перераспределение средств компании в «фонд выплаты штрафов» в ущерб мероприятиям, направленным на предотвращение ущерба.

Заключение

Обсуждение поставленных вопросов о результативности штрафных санкций показывает, что простых решений по принципу «free lunch» в сфере механизмов, обеспечивающих соблюдение установленных правил, не бывает и, соответственно, любое обсуждение состояния дел или возможных изменений должно сопровождаться обсуждением того, что мы приобретаем и от чего вынуждены отказаться (с чем вынуждены смириться), каким образом можно количественно и эмпирически оценить полученные (ожидаемые) результаты. Это касается и соотношения вероятностей ошибок I и II рода, сдерживающей и фискальной функции штрафов. Хотя рост штрафных санкций в определенных рамках может повысить степень сдерживания, однако чрезмерное их повышение может привести к обратному эффекту. Наконец, любые заявления о найденных простых решениях, несмотря на популярность (ожидаемо краткосрочную), в контексте предлагаемого подхода следует оценивать на основе презумпции игнорирования некоторых существенных аспектов проблемы, на решение которой направлено предлагаемое решение. Такая презумпция важна для распространения функционального, в отличие от фундаменталистского, подхода (вне зависимости от его разновидности) к развитию институтов. В данной работе предполагалось, что результативность штрафных санкций состоит в том, насколько их дизайн и механизм

применения может обеспечивать функцию сдерживания. Однако сама постановка вопроса о координатах, в которых определяется результативность, как известно, может быть представлена иначе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. (2013). Антимонопольная политика в России в 2011–2012 гг.: после дела «большой четверки». В: Российская экономика в 2012 г. Тенденции и перспективы. (Выпуск 34). – М.: Институт Гайдара, с. 475–504.
2. Алле М. (1994). О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // Альманах THESIS. Вып. 5, с. 217–241.
3. Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. М.: Дело.
4. Крючкова П.В., Авдашева С.Б. (2012). Государственный и частный информент законодательства при риске ошибок I рода: выбор для России // Журнал Новой экономической ассоциации, №3(15), с. 114–140.
5. Познер Р. (2004). Экономический анализ права. В 2-х т. СПб.: Экономическая школа.
6. Шаститко А.Е. (2008). Экономика преступления и наказания в антитрасте: освобождение от ответственности. М.: Промышленник России.
7. Шаститко А.Е. (2010). Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис. 4-е изд.
8. Шаститко А.Е. (2013). Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении. М.: Дело.
9. Шумейкер П. (1994). Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // Альманах THESIS. Вып. 5. С. 29–80.
10. Avdasheva S., Kruchkova P. (2013). 'Reactive' Model of Antitrust Enforcement: when private interests run the actions of executive authority (case of Russia) // The paper presented for The 11th annual International Industrial Organization Conference, <http://editorialexpress.com/conference/ИОС2013/program/ИОС2013.html#97>
11. Becker, G. (1968). Crime and Punishment: An Economic Approach, *Journal of Political Economy*, 76, P. 169–217.
12. Becker G. (1974). Crime and Punishment: an Economic Approach. In: *Essays in the Economics of Crime and Punishment* (ed. G. Becker). National Bureau of Economic Research. P. 1–54.
13. Camerer C. (1995). Individual Decision Making. In: *Handbook of Experimental Economics*. Ed. by J.H.Kagel & A.E.Roth. Princeton, Princeton University Press. P. 587–703.
14. Png I.P.L. (1986). Notes optimal subsidies and damages in the presence of judicial error. *International Review of Law and Economics*, Vol. 6 (1), P. 105–105.

THE EFFECTS OF PENALTIES: FROM THEORY TO PRACTICE

Shastitko Andrey E.

Doctor of economic sciences, professor, director of the Center for Competition and Economic regulation research of RANEPA. Head of the chair Competition and Industrial Policy of Economic Department of Moscow State University. E-mail: saedd@mail.ru
Address: Russian Presidential Academy of National Economy. 82 Vernadsky av., Moscow 117571, Russia

Plaksin Sergey M.

Candidate in Economics, Deputy Director, Expert analytics office, HSE.
E-mail: splaksin@hse.ru Address: National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia

Annotation

The purpose of this study is to provide economic analysis of penalties through the lens of Russian tendencies to increase the absolute values of fines. The work is based on the methodological approach of the new institutional economics theory and economic analysis of law. The study reveals the conceptual framework of economic analysis of penalties, analyzes the mechanisms of influence of various factors on the performance of penalties, describes various aspects of the deterrence of rules violation taking into account type II errors, investigates complex issues of the relationship between deterrence and the risk attitude of the objects of sanctions application and factors affecting the likelihood of a violation being identified. The deterrent effect of sanctions is analyzed in view of the existence of type I and type II errors. All these factors must be considered when establishing a system of penalties for a short and long term. Besides, discussion on issues of fines performance demonstrates that there are no simple solutions. In other words there is “no free lunch” in the area of enforcement mechanisms. It means that any discussion of the state of affairs or possible changes have to be accompanied by defining what is appropriated and what is lost. In particular, it is related to correlation of types I and II errors, deterring and fiscal functions of fines. Issues of fines implementation in case of unintended damages are also discussed. The results can be used to develop policy evaluation programs for establishing and applying penalties in different areas.

Keywords: economic analysis of penalties; performance of penalties; fines; type I and II errors; deterrence effects.

REFERENCES

1. Avdasheva, S.B. & Shastitko, A.Y. (2013). Antimonopolnaya politika v Rossii v 2011–2012 posle dela “bolshoy chetverki”. In: *Rossiyskaya ekonomika v 2012 godu. tendentsii i perspektivy (vypusk 34)* [Antimonopoly policy in Russia in 2011–2012 after case of “big four”. In: Russian economy in 2012. (Issue 34)]. Moscow, Gaydar Institute, pp. 475–504.

2. Allais, M. (1994). *O nekotorykh rasprostranennykh zabluzhdeniyah po povodu predmeta i metoda ekonomicheskoy nauki* [Some common misconceptions on subject matter and method of economics]. Almanac THESIS, issue 5, pp. 217–241.
3. Coase, R. (1993). *Firma, rynek, pravo* [Firm, market, law]. Moscow: Delo.
4. Kryuchkova, P.V. & Avdasheva, S.B. (2012). Gosudarstvennyi i chastnyi enforcement zakonodatel'stva pri riske oshibok I roda: vybor dlya Rossii [Public and private law enforcement under risk of errors of the type I: the choice for Russia]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*, vol. 3, n. 15, pp. 114–140.
5. Pozner, R. (2004). *Ekonomicheskyyi analiz prava* [Law and economics]. In 2 volumes. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
6. Shastitko, A.Y. (2008). *Ekonomika prestupleniya i nakazaniya v antitraste: osvobodzheniye ot otvetstvennosti* [Economics of crime and enforcement in antitrust: leniency program]. Moscow: Promyshlennik Rossii.
7. Shastitko, A.Y. (2010). *Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [The New Institutional economics]. 4th ed. Moscow: Teis.
8. Shastitko, A.Y. (2013). *Ekonomicheskyyi effect oshibok v pravoprimenenii i v pravoustanovlenii* [Economic effects of errors in law enforcement and enactment]. Moscow: Delo.
9. Schoemaker, P. (1994). *Model ozhidayemoy poliznosti: raznovidnosti, podkhody, rezultaty I predely vozmozhnostey* [The expected utility model: its variants, purposes, evidence and limitations]. Almanac THESIS, issue 5, pp. 29–80.
10. Avdasheva, S. & Kruchkova, P. (2013). "Reactive" model of antitrust enforcement: when private interests run the actions of executive authority (case of Russia). The paper presented for the 11th annual International Industrial Organization Conference. Available: <http://editorialexpress.com/conference/IIOC2013/program/IIOC2013.html#97>
11. Becker, G. (1968). Crime and Punishment: an economic approach. *Journal of Political economy*, n. 76, pp. 169–217.
12. Becker, G. (1974). Crime and Punishment: an economic approach. In: *Essays in the economics of Crime and Punishment* (ed. G. Becker). National bureau of economic Research, pp. 1–54.
13. Camerer, C. (1995). Individual Decision Making. In: *Handbook of experimental economics*. Ed. by J.H. Kagel & A.E. Roth. Princeton, Princeton University Press, pp. 587–703.
14. Png, I.P.L. (1986). Notes optimal subsidies and damages in the presence of judicial error. *International Review of Law and economics*, vol. 6, n. 1, pp. 105–105.